

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

«Як можлива наукова школа в Соціології?»

(«Круглий стіл» в рамках XI Міжнародної науково-практичної конференції «Якубінська наукова сесія», Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, 4 квітня 2014 року)

«Круглий стіл» «Як можлива наукова школа в соціології?» був проведений в рамках XI Міжнародної науково-практичної конференції «Якубінська наукова сесія» 4 квітня 2014 року. Організаторами «круглого столу», як і конференції в цілому, виступили Харківське відділення Соціологічної асоціації України та соціологічний факультет Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна.

Метою проведення «круглого столу» за означеною проблемою було визначення критеріїв виокремлення такої форми організації та здійснення науково-дослідницької діяльності, як наукова школа. Учасники дискусії не тільки пропонували та обговорювали такі критерії, але й ставили питання щодо можливості існування наукових шкіл в соціології (як і в інших галузях науки) та доцільності використання у науковому дискурсі відповідного поняття. За підсумком роботи «круглого столу» більшість учасників дискусії визнали, що в межах соціології існували і сьогодні існують наукові школи. Це не тільки всесвітньо відомі Чиказька, Франкфуртська чи Азовська школи, але й наукові школи, які представляють вітчизняну соціологію. Це соціологічні школи О.О. Якуби, Л.В. Сохань, І.М. Попової, В.І. Астахової, Н.О. Победи та інших відомих українських фахівців-соціологів.

«Круглый стол» «Как возможна научная школа в социологии?» был проведен в рамках XI Международной научно-практической конференции «Якубинская научная школа». Организаторами «круглого стола», как и конференции в целом, выступили Харьковское отделение Социологической ассоциации Украины и социологический факультет Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина. Целью «круглого стола» по названной проблеме было определение критериев выделения такой формы организации и осуществления научно-исследовательской, деятельности, как научная школа. Участники дискуссии не только предлагали и обсуждали такие критерии, но и ставили вопрос относительно возможности существования научных школ в социологии (как и в любой другой отрасли науки) и целесообразности использования в научном дискурсе соответствующего понятия. По итогам работы «круглого стола» большинство участников дискуссии признали, что в рамках социологии существовали и сегодня существуют научные школы. Это не только всемирно известные Чикагская, Франкфуртская или Айовская школы, но и научные школы, представляющие отечественную социологию. Это социологические школы Е.А. Якубы, Л.В. Сохань, И.М. Поповой, В.И. Астаховой, Н.А. Победы и других известных украинских специалистов-социологов.

«Round table», “How possible f scientific school in sociology?” was held in the framework of the XI International scientific and practical conference “Yakuba`s scientific school”. The host organization of the “round table”, as well as the conference were Kharkov Department of the Sociological Association of Ukraine and the School of Sociology of V.N.Karazin Kharkiv National University. Goals of the “round table” were the definition of main criteria for identifying such forms of organization and implementation of scientific and research, activities such as scientific school. Panelists not only suggested and discussed such criteria, but also raised the question about the possibility of the existence of scientific schools in sociology (as in any other scientific area) and also the scientific discourse the corresponding concepts were discussed. The outcome of the “round table” discussions, were that most participants agreed that within sociology exised and exist scientific schools. It is not only the world-famous Chicago, Frankfurt or Iowa schools, but schools that representing the national sociology. This sociological schools Yakuba`s, Sokhan`s, Popova`s, Astakhov`s, Pobeda`s and other well-known Ukrainian scholars sociologist.

Модератор «круглого столу» – Президент Соціологічної асоціації України, ректор Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна, академік НАН України **Бакіров Віль Савбанович**.

Учасники дискусії:

Сокурянська Людмила Георгіївна – доктор соціологічних наук, професор, завідувачка кафедри соціології Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна, віце-президент САУ;

Астахова Валентина Іларіонівна – доктор історичних наук, професор, радник ректора Харківського гуманітарного університету «народна українська академія»;

Злобіна Олена Геннадіївна – доктор соціологічних наук, професор, завідувачка відділу соціальної психології Інституту соціології НАН України;

Личковська Оксана Рейнгольдівна – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Інституту соціологічних наук Одеського національного університету імені І.І. Мечнікова, голова бюро Південноукраїнського відділення САУ;

Макєєв Сергій Олексійович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач відділу соціальних структур Інституту соціології НАН України;

Проценко Людмила Григорівна – старший викладач кафедри соціології Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна.

Бакіров В.С.: Шановні колеги, дорогие друзья, dear friends! Я радий вітати Вас на черговій, вже XI Міжнародній конференції «Якубінська наукова сесія»!

Поскольку в зале присутствуют гости из России, других стран ближнего и далекого зарубежья, я предлагаю избрать в качестве рабочего языка нашей конференции русский язык.

Этот год юбилейный для Е.А. Якубы: завтра, 5 апреля, ей исполнилось бы 85 лет. Нашу конференцию мы посвящаем этому юбилею, а также 50-летию социологической лаборатории нашего университета, которая была создана по инициативе Е.А. Якубы и заведующего кафедры исторической философии, профессора Буханова Ю.Т. в ноябре 1963 года. Мы решили совместить эти два юбилея и отметить их на нашей сегодняшней конференции.

В этом году мы поменяли формат «Якубинской научной сессии». Ее первая часть будет проведена в формате «круглого стола» «Как возможна научная школа в социологии?», вторая – в форме заседания аналитического клуба социологического факультета нашего университета «Социо-reality», посвященного проблемам взаимодействия социологии и общества, в том числе и прежде всего взаимодействия социологов и журналистов.

Итак, мы начинаем работу нашего «круглого стола» «Как возможна научная школа в социологии?». Еще раз подчеркну, организуя такой «круглый стол», мы, считающие себя причастными к деятельности Якубинской научной школы, хотели выяснить, не самозванцы ли мы, что дает нам право говорить о том, что мы представляем одно из поколений этой школы, существует ли эта школа сегодня, какие у нас есть основания, чтобы утверждать это, какие еще школы есть в современной украинской социологии и многое другое.

«Вопрос о том, существует ли научные школы (и что это такое), в том числе в социологии, достаточно дискуссионный. Я надеюсь, что у нас с Вами получится интересная и плодотворная дискуссия, в результате которой мы сможем ответить хотя бы на некоторые вопросы, сформулированные выше.

Итак, я предлагаю начать нашу работу с выступления профессора Сокурнянской Л.Г., которая взяла на себя труд (и почетную обязанность) показать нам, что же такое Якубинская научная школа. Пожалуйста, Людмила Георгиевна.

Сокурнянская Л.Г.: Спасибо, Виль Савбанович. Прежде всего хочу сказать, что идея обсуждения этой темы родилась после защиты Ольги Дмитриевны Куценко. В присутствии Елены Александровны Якубы и Сергея Алексеевича Макеева зашел разговор о том, что в Украине есть научные школы – Киевская, Одесская, Харьковская. Сергей Алексеевич достаточно активно возразил против этого, но дискуссия у нас тогда так и не состоялась. Позднее в одном из разговоров с Еленой Александровной она вскользь коснулась этой темы: почему Сергей Алексеевич так сказал; почему он считает, что у нас нет научных школ, в каком случае можно говорить о том, что научная школа есть и т.д. Уже после ухода Елены Александровны мы на кафедре вернулись к этой теме и предложили заняться ее научной разработкой нашей аспирантке Людмиле Григорьевне Проценко.

Людмила Григорьевна, конечно же, будет участвовать в нашей сегодняшней дискуссии. Надеюсь, что она у нас получится, поскольку в контексте заявленной нами темы много дискуссионных вопросов, что, собственно, мы и хотели отразить в названии нашего «круглого стола», несколько изменив известный вопрос Зиммеля: «Как возможно общество?».

Начну, пожалуй, с того, что, казалось бы, такое устоявшееся в научном дискурсе понятие, как «научная школа» не имеет сколь-нибудь однозначного определения, хотя мы говорим о Чикагской школе, Франкфуркской школе, Айовской школе и т.д.

Понятие «научная школа» используется для обозначения различных феноменов, например, научного направления, научно-образовательной школы, национальной традиции в науке, научно-

исследовательского коллектива. Дискуссионным остается и перечень критериев, по которым возможно установить наличие научной школы.

Я не претендую на то, чтобы дать такое определение, но, если говорить о понимании того, что такое научная школа, сложившемся в ходе обсуждения этой проблемы у нас на кафедре, то научная школа – это неформальное научное сообщество, объединенное парадигмальными (теоретическими), институциональными и поколенческими связями.

Л. Г. Проценко, обобщив имеющиеся подходы к определению критериев научной школы, предложила следующие критерии, представленные на экране:

- наличие авторитетного ученого, который объединяет учеников вокруг своей идеи и выступает лидером научной школы;

- оригинальность научно-исследовательской программы;
- наличие механизмов воспроизводства, которые обеспечивают преемственность научной традиции (явных и неявных знаний);

- длительный период деятельности (наличие нескольких поколений ученых);
- наличие каналов презентации полученного знания, которые делают вклад научной школы видимым для всего научного сообщества (наличие научных публикаций, собственных изданий);

- внешнее признание и высокая оценка работы исследовательского коллектива (наличие кандидатских и докторских диссертаций, которые защищены в рамках определенного теоретического направления, наличие государственных премий и наград, авторских свидетельств, патентов, признание со стороны зарубежных научных сообществ в виде дипломов и почетных званий и т.п.).

На мой взгляд, принимая во внимание эти критерии, можно говорить о социологической школе Елены Александровны Якубы.

Это она – тот самый авторитетный ученый, который объединил нас, ее учеников, вокруг своих идей. Во-первых, вокруг идеи создания научно-исследовательского коллектива (лаборатории, кафедры, факультета) (именно социологическая лаборатория, созданная в университете в 1963 г., стала той структурой, в рамках которой и родилась Якубинская научная школа); во-вторых, вокруг идеи создания оригинальной научно-исследовательской программы. Такой программой стала разработанная Еленой Александровной концепция социальной активности и социальной зрелости личности.

Основные положения этой концепции нашли свое отражение не только в собственных работах профессора Е.А. Якубы, но и в диссертациях, монографиях, научных статьях, теоретических и эмпирических исследованиях нескольких поколений ее учеников и учеников ее учеников.

Теория социальной активности Е. А. Якубы возникла, как уже говорил Виль Савбанович, благодаря осмыслению колоссального эмпирического материала, полученного в ходе социологического исследования, проведенного на крупнейших предприятиях Харькова в 1965-1969 г.г.

Изучение социальной активности трудовых коллективов – это исторически первое (мы называем его производственным) направление исследований научной школы Е. А. Якубы. Это направление представлено в работах Елены Александровны и первого поколения Якубинской научной школы – ее учеников и соратников, чьи собственные научные труды были подготовлены в развитии теории социальной активности в ее применении к трудовым коллективам. Среди этих работ коллективная монография под редакцией Е. А. Якубы, («Участие общественности в управлении производством»), диссертации и научные публикации И. Ф. Некрасовой, Л. А. Маленковой, А. И. Андриющенко, В. Л. Арбениной, В. И. Писаренко и др. Они увидели свет во второй 60-х – 70-ые г.г. прошлого столетия.

Второе (мы называем его студенческим) направление школы реализовывало и сегодня реализует (во всяком случае благодаря усилиям некоторых его представителей) второе поколение школы Е.А. Якубы – В. А. Правоторов (он разрабатывал концепт профессиональной активности), И. И. Шеремет (она акцентировала внимание на социально-демографических факторах социальной активности), Т. А. Козуб (изучала активность студенческих групп), В. С. Бакиров (его внимание было сосредоточено на ценностной обусловленности социальной активности), Л. В. Филинская, О. Д. Куценко, Л. М. Хижняк, А. М. Николаевская (нравственная активность), И. Ю. Белохвостикова, В. Н. Николаевский (научная активность), А. И. Кизилов и др., применив теорию социальной активности прежде всего в контексте анализа жизнедеятельности высшей школы и студенчества (80-тые – I половина 90-х г.г.). Я также считаю себя представителем второго поколения Якубинской школы. В 1970-80 г.г. мой исследовательский интерес был сосредоточен на проблемах становления и развития общественно-политической активности студенческой молодежи.

Поскольку производственная тематика в этот период практически была сведена на нет, в рамках второго направления активно работали представители первого поколения – А. И. Андриющенко,

В. Л. Арбенина. Вера Леонидовна и сегодня принимает в этом самое активное участие (в фокусе ее внимания социальная активность студенчества и подростковой молодежи в сфере свободного времени).

Третье направление исследований в рамках школы Е. А. Якубы – анализ трансформации социально-классовой структуры постсоветского общества. Его в самых разных вариациях разрабатывают и представители второго поколения (О. Д. Куценко, Л. М. Хижняк), и те, кого мы можем назвать третьим поколением Якубинской научной школы: С. Бабенко, О. Даниленко, М. Безносков, И. Евдокимова, Ю. Сорока.

Наконец, сегодня формируется 4-ое поколение социологической школы Е. А. Якубы – это ученики ее учеников, наши аспиранты.

Во всяком случае я с уверенностью могу говорить об этом по отношению к большинству моих аспирантов (О. Пищулина, В. Руженцева, О. Ярмак, К. Агаларова, А. Дейнеко).

Конечно, это не означает, что теоретическая база, созданная Е. А. Якубой, не претерпевает изменений. Скажем, в своем докторском исследовании, основываясь на концептах социальной активности и социальной зрелости Е. А. Якубы, я говорю о социальной субъектности, которая может проявляться на индивидуальном, групповом и даже на институциональном уровне. Вспомним, что Е. А. Якуба под социальной активностью личности понимала «системное социальное качество, в котором выражается и реализуется уровень ее социальности, т.е. глубина и полнота связей личности с социумом, уровень превращения личности в субъекта общественных отношений». Социальную зрелость она определила как характеристику личности (социальной группы), отражающую уровень ее психологической готовности и реальной подготовленности к выполнению разнообразных социальных функций.

В процессе реализации социальной активности как качества личности и происходит ее социальное созревание. Так говорила Елена Александровна. Что касается социальной субъектности, то это, на мой взгляд, не только качество личности, проявляющееся в ее активной самостоятельной, целенаправленной, творческой, основанной на определенной системе ценностей и т.д. деятельности, но главное – эта деятельность оказывает влияние на других социальных акторов.

Можно говорить о разных уровнях социальной субъектности – субъектной диспозиции и актуализированной субъектности, разных видах субъектности – профессиональной, политической, экономической и т.д., разных типов – ситуативной (или реактивной) и устойчивой субъектности, разных формах – конструктивных и деструктивных.

В контексте последнего (выделения конструктивной и деструктивной социальной субъектности) можно говорить (не считите меня нескромной) о развитии концепта социальной активности, предложенного Е.А. Якубой. Для Елены Александровны социальная активность личности – это ее качество только со знаком плюс, поскольку его реализация всегда направлена на достижение социального блага. На мой взгляд, активность, как и субъективность, может быть и со знаком минус.

Сегодня, в наше, мало сказать, бурное время, невероятно актуализируются исследования социальной активности и социальной субъектности личности, тех или иных социальных групп, провоцируя новые и новые обращения к теоретическим построениям Е. А. Якубы (буквально позавчера мы говорили об этом с В. Л. Арбениной).

Возвращаясь к представленным выше критериям выделения научной школы, в частности, к такому из них, как наличие каналов презентации полученного знания, мы и в этом случае можем сказать, что такие каналы у Харьковской (Якубинской) школы есть. Это наши многочисленные научные конференции («Харьковские социологические чтения», которые по инициативе Елены Александровны мы проводим с 1994 года, и «Якубинская научная сессия», в рамках которой мы встречаемся с вами сегодня вот уже 11 раз), это, по самым скромным подсчетам, более 2 тысяч научных публикаций (коллективных и индивидуальных монографий, статей, в том числе опубликованных в наших изданиях: «Вестнике», «Чтениях» и др.

Что касается внешнего признания работы исследовательского коллектива, то и здесь мы можем говорить о солидном творческом, научном багаже школы Е. А. Якубы – десятки кандидатских и докторских диссертаций, защищенных (и готовящихся к защите) по тем направлениям, о которых говорилось выше.

Еще одним подтверждением того, что мы можем говорить о социологической школе, в частности Харьковской, может быть следующее. Как подчеркивают исследователи, научная школа возникает в рамках некой организационной структуры – кафедры, отдела, лаборатории. В свою очередь, научная школа может быть фактором институционализации того или иного научного направления. Если говорить о Харьковском университете, то научная школа Е. А. Якубы, возникнув в рамках социологической лаборатории, стала базой для создания кафедры, а затем и социологического факультета. В этом контексте Харьковскую социологическую школу можно определить не только как научную, но и как научно-образовательную школу.

Важной характеристикой научной школы, во всяком случае Якубинской, является нравственная атмосфера, сформировавшаяся в исследовательском коллективе, моральные принципы научной деятельности, заложенные ее основателем, и прежде всего профессиональная честность, независимость, неангажированность

властью, неамбициозность и главный принцип Елены Александровны – исследовать только реальные социальные проблемы. Именно поэтому Якубинскую научную сессию мы проводим как научно-практическую конференцию. Всем этим принципам мы и сегодня стремимся следовать в своей исследовательской и преподавательской работе. Возможно, это не всегда получается, но мы стараемся.

Спасибо за внимание.

Бакиров В.С.: Спасибо, Людмила Георгиевна, за Ваш анализ истории научной школы, к которой большинство присутствующих в этом зале, в том числе Ваш покорный слуга, имеют самое непосредственное отношение.

Я думаю, что эта история должна быть достоянием сегодняшних и завтрашних студентов, ее нужно опубликовать. Собственно, все мы в той или иной мере творим эту историю, и мы обязаны сохранить научные традиции, заложенные нашим Учителем – Еленой Александровной Якубой, сохранить ту школу отечественной социологии, которая получила признание и в нашей стране, и за рубежом.

Спасибо, что Вы вернули нас в далекие 70-ые и 80-ые, в нашу молодость, рассказали о вкладе наших коллег в развитие теории социальной активности Е.А. Якубы, вспомнили тех, кого сегодня уже нет с нами, кого мы помним и любим.

Приведенные Вами аргументы убеждают в том, что мы вправе говорить о школе Е.А. Якубы, о нескольких поколениях исследователей, продолжающих начатое нею дело.

Говоря о Харьковской социологической школе, всегда называют еще одно имя – имя Валентины Илларионовны Астаховой. Собственно, начало исследования проблем образования, в том числе высшего, в Харьковском университете положила именно Валентина Илларионовна – признанный авторитет в этой области, ученый, которому принадлежат не только глубокие теоретические разработки в такой отрасли науки, как социология образования, но такие серьезные практические достижения, как создание учебно-научного комплекса «Народная украинская академия» ставшего экспериментальной площадкой для системы непрерывного образования, столь востребованного сегодня временем.

Я с огромным удовольствием передаю слово профессору, доктору исторических наук, советнику ректора Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» Валентине Илларионовне Астаховой. Пожалуйста, Валентина Илларионовна.

Астахова В. И.: Спасибо большое, Виль Савбанович. Прежде всего хочу выразить благодарность организаторам Якубинской научной сессии за приглашение поучаствовать в ее работе и, в частности, в заседании «круглого стола», посвященного, с моей точки зрения, очень важной для отечественной (и не только отечественной) науки проблеме. Собственно, в своем выступлении я хотела бы посвятить вопросу о том, как нам возродить вузовские научные школы.

Начать я хочу словами признательности социологическому факультету Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, который на протяжении многих лет чтит память одного из своих основателей, учителей и наставников – Елены Александровны Якубы. Это благородное и благодарное дело, поскольку учит всех нас, что прерывать связь времен – это безнравственно и кощунственно. Мне хотелось бы выразить сердечную благодарность руководству университета за огромную работу по сохранению светлой памяти тех, кто жил и работал в этих святых стенах, кто отдавал всего себя служению науке и образованию, создавал научные школы, формировал новые научные направления, готовил педагогические кадры и воспитывал студентов.

В Народной украинской академии (НУА) тоже чтят память Е.А. Якубы, которая проработала на нашем социологическом факультете с 1994 по 2000 год и многое сделала для становления факультета, для его научно-педагогических кадров и студентов. Я горжусь тем, что была дружна с ней, что имела возможность многократно обсуждать с ней многие жизненно важные для нашего вуза вопросы, в том числе и вопросы становления наших научных школ.

Обсуждение этих вопросов на ставшей уже традиционной Якубинской научной сессии имеет особую остроту и актуальность именно для нашего города и нашего Каразинского университета.

Вузы Украины имеют давние и прочные научные традиции, мировые научные достижения и всемирно признанные научные школы. Только в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина берут начало всемирно известные национальные научные школы: математическая (от Т.Ф. Осиповского и М.В. Остроградского через А.М. Ляпунова, В.А. Стеклова, Д.М. Синцова до В.А. Марченко, А.В. Погорелова, А.Н. Борисенко, И. В. Островского), физическая (от Н.Д. Пильчикова и Д.А. Рожанского через А.К. Вальтера, Л.Д. Ландау, К.Д. Синельникова, Н.П. Барабашова до В.П. Шестопалова, О.А. Третьякова, И.И. Залобовского), химическая, биологическая, геологическая, историческая, журналистская, филологическая.

Миру известны научные школы ХПИ, ХАИ, юридического и фармацевтического университетов. Три нобелевских лауреата: Лев Ландау, Илья Мечников и Саймон Кузнец – это подарок Харькова миру. Не много еще найдется на земле городов, которые могли бы похвастаться таким результатом. В последнее время, к сожалению, Харьков начал сдавать свои позиции, как и Украина в целом. Уже к началу 1980-х годов пошел процесс мельчания научных школ, начался процесс их разрушения.

В 1992 г. расходы на научную работу в Украине сократились в 8 раз, и это не могло не повлиять разрушительно на состояние научных школ. Ученые стали искать выход во внутренней и внешней миграции. Достаточно одной цифры: в 90-е годы прошлого столетия Украина ежегодно теряла до 7 тыс. научных работников. И сегодня, в 2014 году, «спонсирование» западных стран за счет нашего научного потенциала несколько не сокращается. Если в середине 1990-х годов за рубеж выезжали примерно 10 ученых высшей квалификации в год, то в 2013 году эта цифра достигла 29, т.е. увеличилась практически в 3 раза. И дело не только в последовательном сокращении финансирования науки; дело прежде всего в неостребованности результатов труда ученых, в снижении престижа науки и научной работы. Полностью или частично развалились десятки и сотни НИИ, прекратили существование многие вузовские научные школы.

Востребованность интеллектуального потенциала – важнейший стимул его мобилизации и актуализации. Неостребованный потенциал увядает, теряет перспективу и погибает. В нынешних условиях полной неостребованности науки и образования, систематического подрыва духовно-нравственных традиций отечественной культуры высшая школа остается практически единственным оплотом сохранения интеллектуального потенциала общества, восстановления и укрепления лучших духовных традиций народа.

В значительной степени благодаря вузам Украина науку не потеряла, тотальной утраты научных знаний не произошло, креативные возможности научной системы не были утрачены. Просто научные результаты достигаются ценой гораздо больших усилий, чем прежде.

И все же необходимость оживления научных школ, определения дальнейших путей развития отечественной науки сегодня очевидна. Вряд ли это будет путь восстановления НИИ – они себя достаточно скомпрометировали еще в советское время. Думается, что решающее слово теперь могут и должны сказать именно вузовские научные школы, что подтверждается и опытом Запада.

Украинская высшая школа сумела сохранить свои научные кадры, но их дальнейшее плодотворное развитие требует существенных изменений во взаимоотношениях науки и образования, а также в отношении общества к высшим учебным заведениям в целом как колыбели научных школ, научно-исследовательской работы в целом.

В интеграционных процессах науки и образования высшие учебные заведения заинтересованы в большей степени, чем академические институты, ибо речь идет прежде всего об усилении научной составляющей высшего образования, о повышении уровня научной подготовки каждого выпускника вуза, а не об увеличении объема учебной нагрузки ведущих ученых научно-исследовательских институтов, не о расширении их участия в преподавании общих и специальных учебных курсов, а о максимальном распространении влияния научных школ на студенческий контингент. Это совершенно иначе ставит задачу их дальнейшей работы, определения их роли и места в деятельности вуза как научно-образовательного модуля.

Любой вуз может быть полноценным только тогда, когда он четко определил свою дорогу, свою судьбу, свое научное лицо. А оно определяется прежде всего авторитетностью научных школ. При этом очень важно помнить, что можно идти за знаменем, можно идти под знаменем, а можно нести знамя вперед. Научная школа тогда полноценна, когда имеет свое собственное знамя и готова нести его вперед. Но это происходит не сразу и обеспечивается комплексом факторов.

Научная школа (как ее определяют в Народной украинской академии) – это профессиональное добровольное содружество людей, сформировавшееся под эгидой личности – ученого-лидера. Она (научная школа) занимается активной исследовательской работой в новом актуальном направлении и объединена идеями, методиками, научными традициями, расширяющимся сотрудничеством, поиском новых научных фактов. В научной школе выдвигаются гипотезы, концепции, теории, проводятся исследования и обобщаются результаты экспериментов. Ее представители не боятся дискуссий и схлестки противоположных мнений. Здесь обеспечивается полная свобода творчества.

Научная школа – это особый микроклимат, обеспечивающий возможность общения с коллегами-единомышленниками. Не случайно ученые всегда отмечают, что на конференциях, семинарах и симпозиумах они получают основную пользу и удовлетворение не от прослушанных докладов, а от возможности научных контактов и общения с коллегами.

Как пишут современные исследователи, научная школа – это высшая форма самопроизвольного интеллектуального объединения. Это истинный, абсолютно неформальный, творческий союз исследователей. Ее невозможно создать в приказном порядке, посредством административных решений. Любое жесткое регламентирование может поставить под удар сложившиеся в рамках научной школы ценности, нормы,

традиции. Это мир особых взаимоотношений – и замкнутый, и открытый. Он закрыт относительно. В нем могут оказаться случайные люди. Одни приходят испытывать себя, другие стремятся только к карьере и, используя школу как трамплин, покидают ее в самое неподходящее время. А иные и рады бы трудиться, но не выдерживают режима, бесконечных трудных и длительных научных поисков, творческого горения.

Далеко не всегда научная школа возникает в существующем долгие годы научном учреждении. В настоящее время научные школы зачастую заявляют о себе в молодых, перспективных, ищущих новых путей развития коллективах. Хотя очевидно, что научный коллектив, даже работающий в одном четко определенном научном направлении, актуальном и важном, еще не есть научная школа и далеко не всегда может ею стать.

Вузовская научная школа – это разработка нового оригинального направления в науке или на стыке наук; это постоянный, расширяющийся поиск с возможным и желательным появлением дочерних школ, но с обязательным наличием авторитетного лидера (преимущественно ученого-организатора) и обязательным безоговорочным признанием его лидерства, иными словами, – это наличие Учителя и учеников с соответствующим морально-психологическим климатом доверия, взаимодействия, толерантности; это общность основного круга задач, решаемых школой, для всех ее представителей. Это общность идеологии: принципов, методологических позиций и методических приемов, вырабатываемых и реализуемых сообща; это обучение молодых ученых научному творчеству через непосредственный и длительный научный контакт с главой школы и ее ведущими специалистами; это внедрение результатов НИР в учебный процесс и на этой основе привлечение к научному поиску молодых ребят еще на студенческой скамье. Организация студенческой науки – одна из главных задач вуза и прежде всего его научных школ, ибо именно в студенческой среде черпают они кадры, способные к творческому поиску и критическому мышлению.

Сегодня уже невозможно отрицать того, что в вузах Украины, несмотря на все сложности нашего времени, на множество проблем – финансовых, кадровых, политических и прочих, идет интенсивный процесс возрождения научных школ, имеющих давние научные традиции, но, главное, на наших глазах зарождаются новые, молодые школы, ищущие ответы на вопросы, возникающие в принципиально новых исторических условиях.

Именно этот процесс происходит в Народной украинской академии на протяжении вот уже почти четверти века.

В 1991 году мы начинали научно-исследовательскую работу на базе одной научной школы, разрабатывающей проблемы образования, в частности такую тему, как формирование интеллектуального потенциала общества на рубеже веков. И сегодня, спустя почти 25 лет научное лицо Академии, ее главная научная ниша – это проблемы образования, прежде всего становления и развития непрерывного образования как исходного принципа функционирования любой образовательной системы.

За прошедшие десятилетия в Академии сложились и прочно вошли в жизнь научного сообщества Украины дочерние научные школы по истории образования (научный руководитель профессор Астахова Е.В.), философии образования (научный руководитель профессор Подольская Е.А.), экономике образования (научный руководитель профессор Тимошенко И.В.), по развивающему обучению (научный руководитель кандидат педагогических наук Шилкунова З.И.). Продолжается процесс становления научных школ по образовательному праву (научный руководитель профессор Астахов В.В.), а также по проблемам экономического равновесия хозяйственных субъектов (научный руководитель профессор Строкович А.В.) и проблемам языка как семиотической системы и социально-культурного явления (научный руководитель профессор Тимошенко Т.М.).

Важно то, что все сложившиеся в НУА школы и направления в полной мере соответствуют критериям научной школы: есть коллектив единомышленников, успешно разрабатывающий на протяжении многих лет жизненно важные для общества научные проблемы под руководством известного в этой области исследователя и имеющий существенные результаты своей деятельности, признанные в научных кругах и в сфере производства.

Бакиров В. С. : Я благодарю Валентину Илларионовну за блестящее, глубокое выступление, за экскурс в историю научных школ Харькова и нашего университета, за ее удивительный энтузиазм в деле возрождения научных традиций в нашей стране, за создание научного направления, которое мы с полным правом можем назвать Астаховской научной школой.

Мы продолжаем нашу дискуссию, и я с огромным удовольствием предоставляю слово доктору социологических наук, профессору Злобиной Елене Геннадиевне. Свое выступление на нашем «круглом столе» Елена Геннадиевна посвящает социально-психологическому направлению в украинской социологии, которое для нас всех прежде всего ассоциируется с именем Лидии Васильевны Сохань – фундатора отечественной социологии, почетного члена Социологической ассоциации Украины. По мнению, Елены Геннадиевны, Киевская социологическая школа – это и есть школа профессора Сохань.

Пожалуйста, Елена Геннадиевна, Вам слово.

Е. Злобина: Спасибо, Виль Савбанович.

Достаточно трудно говорить об истории, частью которой ты являешься. Рассказ о научной школе с точки зрения наблюдателя извне бесстрастен и носит, скорее, «препарирующий характер», превращаясь в перечисление формальных достижений. Рассказ о том же самом научном организме изнутри окрашен лично и грешит субъективизмом, причем, как правило, в сторону идеализации представлений о школе и создания наиболее выигрышного ее образа. Сохранить некий баланс, в котором факты сочетаются с субъективными оценками, довольно трудно, однако попытаюсь это сделать, оставаясь, насколько это возможно, на позиции беспристрастного аналитика.

Когда организаторы Якубинской сессии обратились ко мне с предложением рассказать о «школе Сохань», я согласилась с некоторыми сомнениями, ибо простейший ассоциативный эксперимент показал, что словосочетание «научная школа» легко дополнялось мной словами «Франкфуртская» или «Чикагская», однако никак не связывалось с научным коллективом, в котором я работаю уже больше 40 лет. Однако поскольку столь длительное пребывание в этом коллективе, если и не выработало, то уж, точно, чрезвычайно закрепило чувство ответственности и стремление оценивать ситуацию аналитически, я написала организаторам и попросила познакомить меня с критериями, которыми они руководствовались в определении научной школы. И оказалось, что критериям этим мы в достаточной мере соответствуем. Более того, знакомство с современными трактовками понятия «научная школа» подтвердило, что я сильно заблуждалась, считая, что научная школа – это проект, который создается вокруг выдающихся теоретиков, идеи которых развивают их ученики и последователи. Причем опиралась я при этом не на интуицию, а на давно и хорошо усвоенное знание, полученное, правда, еще в годы моего становления как ученого. В вышедшей в 70-е годы прошлого века монографии «Школы в науке», хотя и констатировалась неопределенность термина, приводилось всего два критерия научной школы, принятых большинством историков науки: 1) «единство обучения творчеству и процесса исследования»; и 2) «позиция, которой придерживается одна группа ученых в отношении других»

Оказалось, что на сегодняшний день такое единодушие исследовательских трактовок явно утрачено и отмечается «многозначность трактовки самого понятия «научная школа» и, как следствие, отсутствие взаимопонимания среди исследователей, поскольку под научной школой они подразумевают разные реальности». Это несколько успокоило меня относительно несоответствия нашего коллектива высоким стандартам «франкфуртцев» или «чикагцев», тем более, что, как выяснилось благодаря одной публикации, в России, например, «практически во всех учебных и научных организациях существуют научные школы».

Итак, попробую определить «школу Л.В. Сохань» в предложенных координатах, оставаясь сначала в позиции наблюдателя извне. Уже само обозначение школы через имя ее основателя подтверждает «наличие авторитетного ученого, который объединяет учеников вокруг своей идеи и выступает лидером научной школы». Даже чисто формально перечень регалий Лидии Васильевны Сохань впечатляет: член-корреспондент Национальной академии наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, академик Балтийской педагогической академии, доктор философских наук, Почетный член Социологической ассоциации Украины, лауреат премии Национальной академии наук Украины, присуждаемой за выдающиеся научные труды в области истории, философии, государства и права. Перечень можно продолжать, однако представляется, что этот пункт не требует дальнейших обоснований, поскольку авторитет Л.В. Сохань безусловно признан научным сообществом.

Значительно более важным представляется второй критерий – «наличие оригинальной научно - исследовательской программы». Действительно, ученый может достичь блестящих результатов и быть отмечен всевозможными званиями и наградами, работая в русле развития идей, уже существующего направления. Однако в отношении Лидии Васильевны Сохань можно смело утверждать, что именно ей принадлежит авторство действительно оригинальной научно - исследовательской программы, которая получила название «школы жизнетворчества» и в основу которой «положено представление о *жизни* человека как творческом процессе. Личность рассматривается как *субъект* жизни, в основе существования которого лежит жизнетворчество – духовно-практическая деятельность личности, направленная на творческое проектирование и осуществление ее жизненного проекта». Авторы процитированного мною словаря «Психология личности» отмечают не только авторство Л. В. Сохань, но и то, что концепция жизнетворчества создана коллективом украинских ученых под ее руководством, чем прямо подтверждают наличие научной школы.

Третий критерий предполагает наличие механизмов воспроизводства, обеспечивающих преемственность научной традиции (явных и неявных знаний). В нашем случае речь идет о специальном научном подразделении, которое было создано в Институте философии тогда еще Академии наук УССР в 1969 году. Именно тогда отдел философских проблем психологии возглавила Л. В. Сохань. Отметим сразу и

соответствие четвертому критерию – наличию длительного периода деятельности и нескольких поколений ученых. Отдел в этом году отмечает достаточно солидную дату – 45 лет с момента создания. С 1990 года он вошел в состав вновь созданного Института социологии НАНУ и стал называться отделом социальной психологии. Причем характерно, что Л. В. Сохань, создав отдел, проработала в нем 40 лет. Первые 20 лет была его бессменным руководителем, а потом еще 20 лет оставалась главным научным сотрудником и главным научным авторитетом отдела, которым руководили выросшие под ее руководством представители нового поколения «школы Л. В. Сохань».

И, наконец, критерий, который представляется наиболее важным и касается наличия каналов утилизации добытого знания, которые делают вклад научной школы видимым для всей научной общественности. Для научного коллектива наиболее естественным способом презентации своих достижений являются научные публикации. И тут опять-таки очень хорошо видно, с чего начинается и как развивается научная школа. В нашем случае роль лидера несомненна. Направление развития школы было определено в монографии Л.В. Сохань «Духовный прогресс личности и коммунизм», вышедшей в свет еще в 1966. А в 2010 Лилия Васильевна издала чрезвычайно насыщенную, можно сказать, итоговую монографию «Искусство жизнотворчества. Предназначение. Жизнотворчество. Судьба: Социологические очерки, социально-психологические эссе, интервью», собрав лучшее, созданное ею в процессе многолетней работы над проблемами жизнотворчества. И даже если бы речь шла только об этой книге, можно было бы с уверенностью говорить о разработке нового научного направления. Однако предметом нашего интереса является научная школа, историю которой можно довольно полно представить как историю монографий, созданных данным научным коллективом.

Следует сразу отметить, что сотрудники отдела создали фактически небольшую библиотеку собственных трудов, в которой больше 50 монографий – как коллективных, так и индивидуальных. Причем все они тематически довольно близки, хотя и демонстрируют постепенное расширение исследовательской проблематики. Довольно ярко эту эволюцию демонстрируют как раз коллективные монографии. В 80-е они сконцентрированы на проблеме образа и стиля жизни: «Образ жизни: теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования» (1980), «Стиль жизни личности: теоретические и методологические проблемы» (1982), «Жизнь как творчество (социально-психологический анализ)» (1985), «Жизненный путь личности» (1987), «Культура жизни личности» (1988), «Разумная организация жизни личности: проблемы воспитания и саморегулирования» (1989).

В 90-е проблематика жизнотворчества дополняется проблематикой жизненных кризисов: «Психология жизненного успеха: Опыт социально-психологического анализа преодоления критических ситуаций» (1995), «Психологія і педагогіка життєтворчості» (1996), «Мистецтво життєтворчості особистості» (1997), «Життєві кризи особистості» (1998).

В 2000-х мы наблюдаем возвращение к ранее проработанным теоретическим проблемам на новом уровне и в новых социальных условиях: «Життєва компетентність особистості» (2003), «Соціальний ареал життя особистості» (2005), «Стиль життя: панорама змін» (2008), «Соціальні інтереси в контексті соціокультурної модернізації» (2011), «Поведінкові стратегії населення як чинник модернізації (досвід емпіричного дослідження)» (2012), «Соціальна регуляція поведінки в умовах суспільної нестабільності» (2013).

Анализируя в целом научную продукцию школы, следует отметить, что она довольно хорошо демонстрирует соответствие и другим критериям, на основе которых можно говорить о существовании научной школы. Даже анализ названий монографий дает возможность говорить о существовании общего научного языка. А анализ их содержания убедительно демонстрирует наличие взаимосогласованных объяснительных моделей и общих образцов решения проблем, предполагающих использование совместного инструментария и согласованных методов интерпретации.

И, наконец, критерием научной школы является наличие кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по определенному направлению. Что касается «школы Л. В. Сохань», то только сама Лилия Васильевна подготовила более 40 кандидатов и докторов наук. Часть из них проходила в отделе обучение и потом переходила на другую работу, однако ядро научной школы сконцентрировано в отделе, где в настоящее время формируется уже третье поколение школы. Если доктора наук, представляющие второе поколение – Е. Головаха, Н.Шульга, И.Мартынюк, Е. Донченко, Е.Злобина, Н.Соболева, Л.Бевзенко, учились у самой Лидии Васильевны, то представители третьего поколения – это уже ученики учеников. Например, С.Резник стал кандидатом, а потом и доктором наук под руководством Н.Шульги. На выходе еще две докторские диссертации наших молодых коллег, консультантами которых являются Н.Шульга и И.Мартынюк.

На этом сухая фактография, призванная дать объективную характеристику «школы Л. В. Сохань», оканчивается, и я хочу, оставаясь в аналитическом пространстве, внести в обсуждение некую субъективную составляющую. Она касается довольно простого и, я бы сказала, обыденного понимания школы как места, где чему-то учатся и учат. В этом смысле школа жизнотворчества в значительной степени является для ее

участников не только научным направлением, но и школой жизни. И в этом огромная заслуга именно Лидии Васильевны Сохань. В принципе совместная научная работа может быть организована по-разному. Иногда это объединение исследователей, нацеленных на решение конкретной научной проблемы. Иногда, и даже, я бы сказала, чаще всего, это объединение вокруг лидера при полном и безоговорочном его доминировании. И довольно редко это объединение исследователей, в котором каждый может максимально раскрывать свой творческий потенциал. Именно этот тип научного объединения складывался под руководством Лидии Васильевны. Свобода выбора исследовательской проблемы всегда предоставлялась не только уже состоявшимся научным работникам, но и молодым аспирантам, которых учили говорить на общем языке и использовать согласованные методы интерпретации. Обсуждение всегда предполагало серьезный анализ представленных текстов, но никогда не сводилось к разгромной критике, а всегда давало новое направление для научного поиска. Взаимная заинтересованность в работе коллег всегда способствовала постоянным обсуждениям, причем не только в форме специально посвященных этому семинаров, но и в постоянных неформальных контактах. И спустя 40 лет после моего пребывания в отделе довольно типичной является картина, когда, открыв дверь, коллеги по институту останавливаются и спрашивают, не идет ли у нас заседание, и получают радостное приглашение заходить, потому что никакого заседания нет, а просто мы что-то все вместе обсуждаем.

И вот такой тип коллективной организации в значительной мере снял для нас довольно важную для существования научной школы проблему подготовки лидером преемника. В принципе оказалось, что уроки Лидии Васильевны были хорошо усвоены всеми ее учениками, а поскольку большинство из них стало докторами наук, то отдел социальной психологии после того, как Лидия Васильевна перестала занимать формальную позицию заведующей, спокойно пережил руководство В. Тихоновича, Е. Головахи, Н. Шульги, Е. Донченко, Е. Злобиной. И это никак не отразилось на содержании и результатах работы как раз в силу того, что воспроизводство типа личностной культуры исключает непрофессионализм, поддерживая единство направления, но признавая право исследователя на самостоятельный поиск. Благодаря Л. В. Сохань социально-психологическое направление в украинской социологии стало довольно влиятельным и приобрело популярность даже у тех коллег, которые поначалу довольно скептически относились к самому существованию социально-психологической проблематики в социологических исследованиях. И закончить свое выступление я хотела бы словами глубокой признательности Лидии Васильевне Сохань не только как основателю научной школы, а прежде всего как неординарной глубокой личности, которая всегда была и остается для нас примером реального воплощения в жизнь идеи жизнотворчества. И поскольку в этом году Лидии Васильевне исполняется 90 лет, хочу от имени всех ее учеников и коллег в канун юбилея пожелать ей крепкого здоровья и неиссякаемого вдохновения.

Бакиров В. С.: Спасибо, Елена Геннадиевна. Я думаю, со мной согласятся все присутствующие: Вы прекрасно продемонстрировали значимость школы Л. В. Сохань в становлении и развитии отечественной социологической науки. Меня, как, видимо, и всех участников «круглого стола», просто потряс перечень монографий, подготовленных отделом, созданными и многие годы руководимым Лидией Васильевной. Впечатляет блестящая плеяда участников профессора Сохань: Е. Головаха, Н. Шульга, И. Мартенюк, сама Е. Злобина, Е. Донченко, Н. Соболева, Л. Бевденко.

Я думаю, что мы обязательно соберемся в декабре в Киеве, чтобы поздравить Лидию Васильевну с замечательным юбилеем. Сегодня же пожелаем ей крепкого здоровья, бодрости духа, новых творческих достижений.

Говоря о фундаторах отечественной социологии, мы обычно называем имена трех замечательных женщин, настоящих ученых, организаторов социологической науки и социологического образования в Украине. Это Елена Александровна Якуба, это Лидия Васильевна Сохань и это Ирина Марковна Попова. В связи и именем профессора Поповой обычно говорят от Одесской социологической школе. Фундаторам Одесской школы социологии, соратникам и ученикам Ирины Марковны посвящает свое выступление Оксана Рейгольдовна Лычковская – кандидат социологических наук, доцент Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, председатель бюро Южноукраинского отделения САУ.

Пожалуйста, Оксана Рейгольдовна.

Лычковская О. Р.: Благодарю Вас, Виль Савбанович.

Зарождение социологии в Одессе связано с именем видного социолога, как подчеркнул Виль Савбанович, одного из основателей современной украинской социологии, лидера Одесской школы социологии Ирины Марковны Поповой. Окончив философский факультет Ленинградского государственного университета, она в 1953 г. приезжает в Одессу и начинает работу на кафедре философии Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова. Защитив в 1961 г. кандидатскую диссертацию по

социологической проблематике – «Психологизм как характерная черта современной американской социологии», она в 1969 г. создает научно-исследовательскую социологическую группу, с которой, собственно говоря, и начинается Одесская школа социологии. В 1970-1975 годах И.М. Попова, будучи заведующей отделом социологии Одесского отделения Института экономики Академии наук УССР, создает здесь научно-исследовательскую социологическую группу, охватившую своими исследованиями судоремонтные заводы всего СССР. Исследования проводились также и в морских портах. В это время И.М. Поповой и ее коллегами по научно-исследовательской социологической группе была разработана методическая база для оперативной социологической работы на промышленных предприятиях. В 1975 году И.М. Попова и основной состав научно-исследовательской социологической группы - В.Б. Моин, М.Б. Куныевский, Г.П. Бессокирная вернулись в Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова, где при кафедре философии гуманитарных факультетов было образовано социологическое подразделение, сотрудники которого изучали общественное мнение и социальное самочувствие населения, его материальное положение, социально-экономические и политические ориентации, представления о социальной справедливости, а также электоральное поведение, межнациональные отношения, культурно-языковую ситуацию и многие другие феномены массового сознания и поведения. По результатам исследований И.М. Поповой и ее коллегами были опубликованы 3 коллективные монографии «Проблемы социального регулирования на промышленных предприятиях» (1973), «Сознание и трудовая деятельность (ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда)» (1985), «Социальные представления и интересы в массовом сознании» (1989), научные статьи, подготовлены и представлялись информационно-аналитические записки в органы управления и общественные организации. Результаты исследований также широко обнародовались через СМИ.

С 1992 г., со дня образования кафедры социологии в Одесском национальном университете, И. М. Попова была профессором этой кафедры. Ирина Марковна также являлась научным руководителем более 30 кандидатских работ по философии и социологии, некоторые из ее учеников уже сами имеют докторские степени. С 1991 по 2003 гг. И. М. являлась бессменным председателем бюро Южно-украинского отделения Социологической ассоциации Украины. В 2007 г. она была избрана председателем Комиссии по профессиональной этике САУ и возглавляла ее вплоть до своей смерти.

Основной вклад И. М. Поповой в социологию состоит в использовании *системного подхода* для различения *объективно-предметной* и *субъективно-ценностной социологической методологии*, а также в обосновании плодотворности данного различения для решения основополагающих социологических проблем: понимания специфики ценностного сознания, взаимоотношения сознания и деятельности, вербального и фактического поведения. И. М. Попова ввела в научный оборот концепт «*двойственность человеческого опыта*», выделяя культурно-символический опыт предшествующих поколений, передаваемый «другими», владеющими «языками культуры», и индивидуально-прижизненный, чувственно-предметный, в процессе которого люди сами взаимодействуют с различными объектами и присущими им свойствами, а также друг с другом. Использование данного концепта явилось основой для интерпретации данных опросов населения, проводимых на постсоветском пространстве, и теоретического осмысления целого круга актуальных прикладных проблем: легитимации, парадоксов сознания, оценок идеологии и практики социального реформирования. И. М. Попова ввела в социологический обиход понятие «*повседневная идеология*», показав его эвристичность и целесообразность при социологическом анализе проблемы эволюции обыденного сознания. Все это нашло отражение в ее монографиях: «Повседневные идеологии: как они живут, меняются и исчезают» (2000), «1989 – 1991 гг. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе). Историко-социологические очерки» (2006).

Вторым фундатором Одесской школы социологии в рамках институционализации социологического образования в Одессе стала Нелли Александровна Победа, которая в 1992 г. возглавила первую в Одессе кафедру социологии сначала в рамках факультета социологии, экономики и политологии, а затем Института социальных наук Одесского национального университета имени И.И. Мечникова, а затем (с 1994 г.) в рамках Института социальных наук Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Представитель Екатеринбургской школы социальных исследований, ученица Л.Н. Когана, Нелли Александровна Победа осталась верной традиции социологического анализа культуры. Основными ее достижениями являются исследования в сфере социальности, структурных сопряжений ценностно-нормативных изменений, субкультурных образований, социальной толерантности и социальных идентичностей, основанных на оценке социальных изменений в масштабах Украины и локальном измерении городской среды (ее ментальных характеристиках, эволюции систем ценностей, социальной памяти, стереотипах потребления художественной культуры и т. д.). Иначе говоря, целевая задача исследований Н. А. Победы состоит в том, чтобы социальную игру вокруг идентичностей увязать с понятиями «горизонта», попытаться найти смысл глобальной политики на уровне индивида, а традиционно обсуждаемые в публичном пространстве виды национально-государственной, локально-территориальной, этнокультурной,

европейской и транснациональной идентичности соотносить, согласно принципу методологического индивидуализма, с «приемлемой идентичностью».

Профессор Победа Н.А. в настоящее время возглавляет 3 мониторинговых исследования по проблемам молодежи, культуры, этнических отношений. Она входила в состав исследовательских групп и возглавляла более чем 50 эмпирических исследований по названной мною проблематике как регионального масштаба, так и на уровне страны. Н. А. Победа является автором свыше 200 научных работ, в т.ч. учебников и учебных пособий. Среди ее социологических работ индивидуальные и коллективные монографии («Духовные потребности и реальное поведение» (1990), «Социология культуры» (1997), «Region as mediator between state and international systems» (1997), «Молодежная субкультура» (1999), «Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного» / в соавторстве с В.М. Онищук, Э.А. Гансовой, Т.Г. Каменской, А.В. Худенко, Е.В. Князевой, О.Р. Лычковская, С.В. Романенко, Е.Я. Прохоренко, А.В. Ягвещкая, Т. Андреевской, Н. Кондратьевой (2013) и др.).

Под научным руководством проф. Победы Н.А. защищены десять кандидатских и одна докторская диссертация.

Основные направления исследований современной Одесской школы являются во многом продолжением тех традиций, которые были заложены ее основателями. Это, с одной стороны, пространство повседневных идеологий и практик (от социального конструирования к социальной онтологии), а с другой стороны, это феноменологическое изучение спектра социальных идентичностей во всем их разнообразии. Современные исследования Одесской социологической школы связаны с изучением социальных коммуникаций, виртуального пространства, информационных потоков, социальных связей и отношений, в теоретическом контексте которых происходит соединение социальной онтологии и реляционных социологических теорий. Кроме того, одно из направлений, которое зарождалось в рамках Одесской школы социологии, теперь уже представлено собственной школой. Это работы ученицы Н.А. Победы проф. В.И. Подшивалкиной, в которых сделан акцент на изучении социальных технологий как элемента социогуманитарного знания, как соединения социологической теории и социальной практики.

Бакиров В.С.: Спасибо, Оксана Рейгольдовна, за Ваш интересный анализ творческих достижений Одесской школы социологии, в частности, вклада в отечественную социологию выдающихся украинских социологов – Ирины Марковны Поповой и Нелли Александровны Победы.

А теперь я с огромным удовольствием и, не скрою, с предвкушением услышать меньше, во многом отличающееся от мнения предыдущих выступающих, хочу пригласить к слову доктора социологических наук, профессора, заведующего отделом социальных структур Института социологии НАН Украины Макеева Сергея Алексеевича. Мы все знаем Сергея Алексеевича как замечательного ученого – теоретика, интереснейшего эмпирика, невероятно остроумного человека, по-настоящему творческую личность! Пожалуйста, Сергей Алексеевич.

С. А. Макеев: Спасибо, Виль Савбанович.

Готовясь к выступлению на «круглом столе», я бегло просмотрел литературу и не нашел указаний на то, когда возникло представление о научных школах, менялось ли его содержание со временем и каковы, вообще, познавательные и онтологические амбиции этого понятия. Что ж, пришлось обойтись без этого весьма полезного знания, составляющего непроговариваемый фон моего выступления.

К слову или, точнее, к термину или к категории «школа» я отношусь с легким, нерадикальным, предубеждением. Его истоки в юности и молодости, когда со средней и высшей школой у меня возникли и упрочились ассоциации как с чем-то консервативным, непреодолимо иерархизированным, с негармоничными правилами взаимодействия и коммуникации между учителями и учениками. Иначе – местом, из которого хочется выйти вон. Но лишь отчасти подобное, длящееся многие годы, эмоциональное состояние, следствие – быть может, не особенно счастливого начала жизненного пути, ведь бывают, стоит надеяться, и иного рода и склада школы. Это побуждает меня не поддерживать разговор в тех случаях, когда речь заходит о научных школах. Впоследствии возникли и более основательные оправдания. И теперь – о них.

В социологии науки, как, впрочем, и в любой нашей предметной субдисциплине, имеется, скажу заметно упрощая, не менее двух социологических диалектов. В нашем конкретном случае назову один из них деятельностным, предназначенным для описания работы ученого как процесса, а другой – структурным. Деятельностный диалект вполне обходится без такой формы организации исследований, как «научная школа», ведь наука «работается» в одиночестве, в лабораториях, отделах, на кафедрах, в центрах. На этом диалекте невозможно ни говорить, ни писать о школах в науке. Им изъяснялись наиболее авторитетные специалисты в данной отрасли знания. Прежде всего Р.Мертон, достаточно давно предложивший впечатляющий сценарий ценностно-нормативной регуляции исследовательских действий, до сих пор не утративший актуальности. Т.Кун,

локалізовавши школи в протонаучному періоді, а в «большой науке» домінуюче значення приписавши научним революціям, перериваючим періоди «нормальної науки» і приводячим до зміни парадигм – неких управляючих і регулюючих наукову діяльність інстанцій. І, нарешті, Б.Латур, сформулювавши принципи і правила возведення продуктів роботи учених в науково установлені і соціально легітимні факти в процесі різноманітних комунікацій на різних структурних рівнях соціума.

Структурним іменує діалект, в словаре якого наукова школа присутня, постулює диференціацію предметних областей і методів дослідження і їх в якій-то ступені монополізацію, а рівним образом устійливу реплікацію прийомів відбору співробітників і навичок передачі знань. Неперекладність одного діалекта на другий проілюструю на прикладі великої цитати з недавнього (2011 року) препринта чотирьох авторів з економіко-математического інституту РАН, присвяченого науковим школам і виданого на структурному діалекті. Цитата:

«Существуют различные подходы к определению понятия и классификации видов научных школ. К числу наиболее распространенных комплексов представлений о данном явлении можно отнести следующие:

1) направление в науке, возникшее благодаря определенной научной традиции, охватывающее как отдельных ученых, так и исследовательские коллективы (примеры: институциональная школа в экономике, административная школа в управлении, школа психоанализа в психологии);

2) система передачи знаний, существующая, как правило, на базе образовательных учреждений и доказавшая свою способность к обучению и формированию будущих исследователей (научно-образовательная школа) (примеры: Венская (австрийская) экономическая школа (маржинализм), МГТУ им. Баумана (ракетостроение); Московский инженерно-физический институт (атомная энергетика);

3) существующий в течение длительного времени исследовательский коллектив, совместно разрабатывающий единую исследовательскую программу (научно-производственная школа) (примеры: школа И.М. Сеченова в физиологии, школа А.Н. Туполева в авиационном строительстве, школа С.П. Королева в ракетостроении, школа Л.Д. Ландау в физике);

4) исследовательская организация, доказавшая свою способность к обеспечению условий для генерации ученых, внесших значительный вклад в развитие науки (научно-исследовательская школа) (примеры: Кавендишская лаборатория Кембриджа (Дж. Максвелл, Дж. Томпсон, Э. Резерфорд, Н. Бор и др.); Франкфуртская школа на базе Института социальных исследований (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ф. Поллак и др.).

Приведенный текст похож на научный, он явно наукообразен, а его неоспоримая особенность состоит в том, что перед нами, похоже, извлечение из других текстов (нечто подобное встречалось мне прежде), но не обобщение тщательно заотоколотированных наблюдений за повседневной работой ученых. Попробуйте определить, где заканчивается школа, где ее граница? Что там с Кавендишской лабораторией, которая в примере обрывается на Н.Боре и где каждое имя оказывается и направлением, за которым стоит коллектив и, одновременно, системой передачи знания? И причислять ли туда, к примеру, П.Л.Капицу? И что мы вообще можем знать о сроках жизни «школ», об их старении и вырождении? Дело, впрочем, не в неудачно подобранных примерах. Недоумения позволительно множить, но существеннее указать на их принципиальный источник – необязательность, приблизительность, нескрываемая искусственность вводимых различий и предлагаемых описаний. Отсюда следует, что применительно к школе невозможно поставить «правильные» вопросы – те, на которые дотошный наблюдатель и аналитик надеялся бы получить ответы хотя бы с легким налетом достоверности.

Я практически не представляю (вследствие, не исключено, естественно не изжитого мною дилетантизма в данном предмете) эмпирическое исследование научной школы. Не считать же таковым изложение взглядов представителей некоего сообщества, почему-то называемого школой, в исторической, логической и какой угодно последовательности. Из чистого любопытства я просмотрел названия статей, начиная с 2004 года, в наиболее авторитетном науковедческом журнале – «Social Studies of Science». И ни в одной из них не обнаружил словосочетания «научная школа». Коллеги на западе равнодушны к данному явлению. В нашем же социологическом пространстве – иначе. Отсутствие методологически и методически обоснованных разысканий, если ошибаюсь, то меня поправят, свидетельствует о том, что порассуждать о школах в учебной и околонаучной литературе советского и постсоветского периода получается, а вот изучить – нет. При этом, уверяю вас, я не страдаю квантофренией, как называл это заболевание П.Сорокин, оно настолько благородно, что не особенно распространено в нашем сообществе, настоящих квантофреников у нас раз-два и обчелся.

Допускаю (мне точно неизвестно, таково предположение), о школах извинительно говорить применительно к самой ранней ступени эволюции науки, как и полагал Т.Кун – вероятно, здесь открывается перспектива возможного. Должно быть, становление социологии в отечественных пределах чем-то и напоминает такую ступень. Если так, тогда школа принадлежит прошлому, не настоящему, нынешнее

социологическое воображение о ней есть дериват (производное) давно минувших дел, укореняемая в настоящем архаика. К тому же научные практики сегодня гораздо более продуктивны в пределах интернациональных коллективов, работающих над какой-либо проблемой. Физики и астрономы разных стран собираются около гигантских исследовательских инструментов, отстроенных там и сям, иные образуют спонтанные или бизнесом инспирированные сети, не отрываясь от своих лабораторий. В социологии тоже известны интернациональные проекты, назову только ESS и ISSP, то есть и в нашей дисциплине науку практикуют вне и помимо каких-либо школ.

Представление о школе продолжает жить-поживать посредством структурного диалекта: есть слово, значит, существует и объект. В №4 за 2013 год из статьи Татьяны Викторовны Захарчук «Библиографическая идентификация состава и признаков научной школы» в санкт-петербургском журнале «Социология науки и технологий» мы узнаем, что школа оказывается феноменом латентным, трудно уловимым, не являясь данностью, она конструируется еще и библиографическими методами. Носитель деятельностного диалекта никогда не поймет, на каком основании полученное множество научных сотрудников и преподавателей получает имя школа.

В статьях же в №4 за 2010 год того же журнала, посвященного 100-летию со дня рождения Р.Мертон, авторы, самые известные российские специалисты, упоминают, разумеется, и школу знаменитого представителя структурного функционализма. В последнем случае отчетливо слышится и усматривается разве что внешняя идентификация, оценка в виде признания авторитета и репутации лидера (он же учитель) и полученных им и под его руководством результатов. Однако признания неформального: кто же не знает, что самыми, как и не самыми, престижными премиями в науке награждаются индивиды, но не коллективы – не лаборатории, не отделы, не институты, не академии. Причем, тень официальной значимости или общественного признания не падает на учеников, а они, в свой черед, не могут на нее претендовать.

Кроме того, общественные организации, наподобие Социологической Ассоциации Украины, также не присваивают статус научной школы коллективам исследователей. То ли ввиду отсутствия очевидных критериев оценивания, то ли чтобы не давать еще одного повода для разжигания нездоровых вождельний в сообществе исследователей. Или же вследствие полной бессмысленности такой операции. К тому же всегда в дефиците уверенность, что тем самым повысится самооценка тех, кого подвели под такое определение, а значимые и малозначимые «другие» проявят большую почтительность к ним.

Такая ситуация оставляет нам, индивидуализированным работникам науки, достаточную свободу выбора диалектов социологического языка и широкое пространство для реализации права выносить оценки и номинировать. Я лично предпочитаю деятельностный диалект в рамках социологии науки, не предполагающий оперирования термином «научная школа». Но если кому-то это слово что-то прибавляет в понимании и объяснении, а также воодушевляет и побуждает что-то выведывать – что ж, выбор сделан, он не лучше и не хуже моего. Отношение к собственному выбору, а также к структурному диалекту я дотоле предпочитал оставлять при себе. И потому все сказанное выше, прошу учесть, инициировано просьбой организаторов нашего обсуждения, в которой я просто не мог отказать.

Бакиров В. С.: Спасибо, Сергей Алексеевич. Как всегда, я получил огромное удовольствие от Вашего выступления – аналитичного, глубокого, оригинального, возможно, несколько ироничного, но, без сомнения, очень полезного для нашей дискуссии. Посмотрев на поставленную нам проблему сквозь призму различных научных дискурсов, Вы тем самым заставили нас задуматься (меня так уж точно), на каком «языке» мы разговариваем. Я вижу, что «рвется в бой», возможно, хочет Вам возразить Людмила Григорьевна Проценко – старший преподаватель кафедры социологии нашего университета. Пожалуйста, Людмила Григорьевна, Вам слово.

Проценко Л. Г.: Спасибо, Виль Савбанович. Прежде всего я хочу сказать о том, что проблема научных школ в социологии является фокусом моего диссертационного исследования. Тема, как представляется, актуальная, но вовсе не простая, что и показала сегодняшняя дискуссия; те вопросы и проблемы, которые сегодня озвучивали Людмила Георгиевна, Валентина Илларионовна, Елена Геннадиевна, Оксана Рейнгольдовна, Сергей Алексеевич, безусловно возникают и у меня. Что считать научной школой? Существуют ли они? Может быть, научные школы – это просто символический маркер позиции в научном сообществе?

Мы настолько привыкли пользоваться понятием «научная школа», что редко задумываемся над существованием феномена, который оно обозначает. Да и само понятие достаточно «размыто» и используется для определения различных феноменов: направления в науке, образовательной традиции, научно-исследовательского коллектива. Более того, зачастую мы употребляем данное понятие с неким пиететом, подразумевая априори высочайший научный статус того коллектива или организации, относительно которого мы можем употребить данное словосочетание. Это символическое значение понятия «научная школа» может иметь под собой как реальные основания, подтверждая высокий уровень научных достижений определенного коллектива через номинацию, так и быть инструментом в символической борьбе за позиции в поле науки, что

еще больше запутывает нас при попытке разобраться с вопросом, вынесенным в название нашего круглого стола: «Как возможна социологическая школа?». В этой связи постановка вопроса профессором А.С. Макеевым о познавательных и онтологических амбициях данного понятия представляется мне более чем правомерной. С другой стороны, выступления представителей различных социологических школ – Харьковской (Якубинской), Одесской, Киевской (школы Л. В. Сохань), школы В.И. Астаховой на этом «круглом столе» показали и доказали, на мой взгляд, существование в украинской социологии таких форм организации научной деятельности, которые по своим характеристикам (наличию оригинальных исследовательских программ, преемственности поколений, наличию каналов презентации полученного знания и др.) отвечают критериям научных школ (в узком смысле). Но если феномен реален, то каким образом возможно его исследовать? Может быть, научная школа является произвольным конструктором, совокупностью достаточно произвольно выбранных маркеров?

Если посмотреть на проблему научных школ не с точки зрения историка идей или апологета определенной научной традиции, а с позиции социолога, исследование научных школ как социального феномена сталкивается, как минимум, с двумя проблемами, которые являются «продолжением достоинств» такой формы организации научной деятельности. Об этих проблемах сегодня уже говорили дискутанты. Первая проблема обуславливается особенностями объединения ученых в данный тип сообщества: научная школа – неформальное сообщество высокомотивированных ученых, основанное на принципах самоорганизации. С одной стороны, именно эта особенность научных школ предопределяет высокую эффективность и, как следствие, особый статус данного образования. С другой стороны, вследствие «неформальности» связей и отношений научная школа, если можно так сказать, «ускользает» от исследователя: невозможно «пощупать» научную школу – изучить её статут, формальную структуру, уставные документы, определить дату принятия в члены научной школы того или иного ученого и т.д. Всего этого просто не существует, поскольку научная школа представляет собой, скорее, систему оперативных, синхронных и асинхронных, формальных (публикации) и неформальных практик. В этом смысле исследование научной школы – это не столько изучение структуры, вернее, это, в том числе, изучение структуры научной школы (которая является неформальной структурой), сколько анализ практик, благодаря которым она создается, воспроизводится и развивается. В этом смысле я не разделяю мнения профессора Макеева по поводу того, что о научных школах можно говорить только на структурном диалекте, мне ближе синтетический подход, если оставаться в рамках предложенных профессором Макеевым диалектов, деятельностно-структурный.

Вторая проблема связана с тем, что научная школа – это не только некое научное сообщество единомышленников, а и определенный статус, который приобретает научный коллектив благодаря успешности своей научной деятельности, выражающейся в значительном научном вкладе и признании этого вклада со стороны более широкого научного сообщества, например дисциплинарного. То есть маркирование определенного сообщества как научной школы является по преимуществу результатом идентификации извне, нежели самоидентификации. Естественно, данные процессы разнесены во времени, вклад научной школы становится более очевидным с течением времени. Поэтому, на мой взгляд, исследования научных школ с неизбежностью являются также историографическими (безусловно, можно изучать формы научной деятельности, существующие на основе когда-то возникшей научной школы, в частности изучать преемственность и развитие тематики и традиций, однако «точка отсчета» всегда будет находиться в прошлом), и здесь совершенно прав Сергей Алексеевич, говоря, что научные школы – это что-то о прошлом. Может быть, о некотором сообществе исследователей, созданном сегодня вокруг определенной проблемы, объединенном общими целями, ценностями и методологией, через некоторое время мы будем обоснованно говорить как о научной школе, однако зафиксировать наличие научной школы непосредственно в момент ее возникновения или даже через год-два невозможно. Научная школа – это «побочный» продукт достаточно длительной деятельности успешно работающего научного коллектива. Именно поэтому о научных школах чаще всего говорят ретроспективно, а в западной научной традиции – исключительно в историко-научном контексте. Для обозначения и изучения возникающих неформальных научных сообществ на Западе используется понятие «незримые колледжи», впрочем, трактовка западными учеными «незримых колледжей» сегодня приближается к нашему пониманию научных школ вместе с характерным для научных школ (в интерпретации Т. Куна) акцентом на деятельностном аспекте данного феномена (классические исследования «незримых колледжей», например, Д. Прайса, Д. Крейн, Н. Маллинза, проводились исключительно в рамках структурного подхода).

Как исследователя данной темы меня все же больше интересует не столько методологическая проблема, сколько практическая: каким образом трансформируются и что представляют собой научные школы сегодня, каково будущее и потенциал данной формы научной деятельности в современных условиях, ведь те функции, которые выполняют научные школы и о которых сегодня особенно много говорили Валентина Илларионовна Астахова и Елена Геннадиевна Злобина (обучение научному творчеству непосредственно в процессе исследования, правилам постановки исследовательских вопросов, формулирования гипотез и

способов их проверки, трансляция ценностей, норм научной деятельности и всего того, что называется «неявное знание»), следующим поколениям исследователей) крайне важны.

Немного углубляясь в историю вопроса, замечу, что первые научные школы как реальное социальное пространство, где возникает, реализуется, развивается и воссоздается определенная научная традиция, возникли в начале XIX века вместе с созданием первых лабораторий и кафедр. Именно в это время происходит переход от преимущественно индивидуальной научной деятельности к коллективным ее формам. Для возникновения школ в определенной области науки необходимо, чтобы развитие научных знаний здесь достигло такого уровня, когда для их дальнейшего развития необходимы общие усилия, коллективный творческий труд, а потребности в координированном научном труде не удовлетворялись существующими формальными или неформальными объединениями ученых. Сегодня трудно представить себе такую отрасль науки, где до сих пор работали бы только одиночки, и уж точно это не социология. Существует и такая точка зрения, что первые научные школы возникли еще во времена Античности и первой научной школой можно считать школу Аристотеля, однако в этом случае речь идет лишь о некоей интеллектуальной традиции, что отвечает широкой трактовке научной школы как научного направления.

Однако научные школы как форма организации научной деятельности под влиянием изменений внешних условий их деятельности также претерпели изменения. Исследователи (К. Ланге, Е.З. Мирская, С.Д. Хайтун) выделяют три исторических типа научных школ: классические, современные (дисциплинарные) и проблемные. Эти изменения, как правило, были связаны с такими факторами, как изменение организационной среды, которая выступала институциональной основой научных школ, и развитие дисциплинарного знания. Сегодня наука включена в процессы глобализации, информатизации, коммерциализации, что влияет как на характер коммуникаций (а коммуникативные практики – основа существования научной школы), так и на форму и содержание научного труда. Научным школам, действительно, характерна некоторая закрытость, классические научные школы были эффективны в условиях «закрытой», локальной науки. В условиях же «открытой» науки теоретическая, методологическая и методическая закрытость может выступать барьером на пути научных открытий и создания инноваций. Поэтому, на мой взгляд, очень важно не только разработать адекватный инструментарий исследования исторически сложившихся научных школ, но и понять место и перспективы подобных форм кооперации учебно-научной деятельности среди иных форм организации науки. Именно над этими вопросами я сегодня работаю. Спасибо за внимание.

Бакиров В. С.: Спасибо, Людмила Григорьевна. Если никто больше не хочет выступить, я думаю, что можно подводить итоги нашей дискуссии. Мне представляется, что она получилась. Возможно, мы ответим не на все вопросы, возникающие в контексте проблемы возможности / невозможности существования научных школ.

Тем не менее большинство участников нашего «круглого стола» высказались в пользу существования научных школ, в том числе в отечественной социологии. Мы услышали убедительные аргументы, свидетельствующие о функционировании Харьковской научной социологической школы, в свою очередь, представленную школой Е. А. Якубы и В. И. Астаховой (добавлю, что в рамках этих школ сегодня формируются, как сказала Валентина Илларионовна, дочерние школы, во главе которых стоят представители второго и даже третьего поколения названных школ). Мы вполне обосновано можем говорить о школе Л. В. Сохань (и школах ее учеников), школе И. М. Поповой и Н. А. Победы. Этот перечень нельзя ограничивать школами только таких социологических центров, как Киев, Харьков и Одесса. Конечно, мы можем говорить о Львовской социологической школе, представленной такими замечательными именами, как Наталья Йосиповна Черныш, Наталья Владимировна Ковалиско, Владимир Маркович Пича и др., о Днепрпетровской школе (и здесь мы назовем имена таких известных в Украине и за ее пределами социологов, как Владимир Абрамович Полтораки и Виктор Георгиевич Городяненко; о Луганской школе социологии, которую представляют профессор Нагорный Б. Т. и профессор Кононов И. Ф. На мой взгляд, идет активный процесс становления социологических школ в Луцке, Черновцах, в Крыму, Херсоне и других городах Украины.

Мне представляется, что критерии выделения научных школ, предложенные Л. Г. Проценко на основе анализа имеющихся научных разработок, необходимо совершенствовать, дополняя его показателями, соответствующими современному этапу развития науки, в том числе социологии, и общества в целом, этапу перехода к постмодерну, информационному обществу, формулирующему новые требования к науке и образованию.

Огромное спасибо нашим дискуссионкам, всем присутствующим за активное участие в работе нашего «круглого стола».